

„ЗНАМЯ ЮНОСТИ“

г. МИНСК

4 марта 1977 г. № 45 (8017)

Знамя юности

Мы познакомились с ним в редакции. Он принес рассказ и потребовал немедленно его прочитать. Я прочла. Рассказ мне не понравился, собственно, это и не было рассказом, но что-то в нем было. Свое. Ни на что не похожее. Он сказал, что учится на актерском факультете. Я попробовала объяснить, почему мы рассказ не сможем напечатать. Он стал спорить, наговорил дерзостей. С тех пор мы подружились. Вот уже в который раз Юра приглашает меня на каждую свою премьеру. И я видела все его спектакли, начиная со студенческих работ.

Сначала был актерский факультет БГТХИ, потом режиссерский, между ними работа в театре. Еще технически робко, но уже по-своему поставлен им дипломный спектакль на сцене Русского театра имени Горького. Это были арбузовские «Сказки старого Арбата». О его «Птицах нашей молодости» уже спорили. Помоему, в Юре здесь виден серьезный художник. Спектакль был полифоничен. А главный признак удаchi — в нем было много хороших актерских работ. Автор пьесы Ион Друце, молдавский драматург, написал в день премьеры, что это лучший спектакль в Союзе. Мироненко был счастлив.

Сложный человек. Уязвимый. Бескомпромиссный в творчестве. Он принял Могилевский театр в тот момент, когда репертуар надо было обновлять полностью. Старые спектакли обветшали.

Мироненко собрал в репетиционной комнате всех молодых актеров и попросил их подготовить и показать ему все, что они хотели бы играть. Есть ведь у каждого своя заветная мечта.

Через пару недель после

ЕСЛИ ТЕАТРУ ИНТЕРЕСНО...

этого памятного разговора состоялся показ. Играли Шекспира, Островского, Достоевского, Горького. Показывали плохо и блестяще. Волновались, плакали, пытались словами объяснить, что же все-таки хотелось, что не получилось. Словом, состоялась исповедь.

Нет, это не должно пропасть. Если интересно театру, будет интересно и зрителям. Юрий Мироненко сразу понял, что они играют то, что любят, но еще не умеют. Значит, надо помочь. Их, как и всех молодых актеров, поначалу привлекают сильные страсти и смешные ситуации. Они порою выбирают то, что еще им не по плечу, не по опыту, не по возрасту, не по внешним данным. И играют.

Порою смешно, но всегда искренне. Нет, это не должно пропасть...

Так родилось первое произведение со странным названием «После спектакля». Зрительно объяснили: то, что мы вам покажем, плод наших исканий, это сделано, сыграно после работы, это проба.

Конечно, это было не сырье. Юрий основательно поработал. Скрепил разные отрывки, сохранив форму открытого тренинга. Будто бы вы присутствуете на репетиции — вот

ка шляпу, трость, юбку, фрак, парик, усы, быстро преобразуются и импровизируют.

Этот спектакль был очень важен для молодежи театра. Он открыл режиссеру дарование разных актеров и определил круг ближайших пьес. Тогда они впервые сыграли отрывок из Теннесси Уильямса, сейчас вышел спектакль «Орфей спускается в ад», самая последняя работа Юрия, во многом снова спорная и экспериментальная.

Герои спектакля разместились в шести легковых автомобилях. В сегодняшней Америке машина — это микромир, где можно укрыться от суетных забот. Но укрытие это обманчивое. Машины бегут по шоссе, они каждую секунду под угрозой аварии, катастроф и смертельных столкновений. Так же беспокойно и призрачно только что обретенное счастье Вэла и Лейжи. Яркие бесцеремонные раздражающие фары автомобилей всюду преследуют их, заглядывая даже в постель. Холодные равнодушные машины наступают на человека, пока не сомнут, не раздавят в финале спектакля.

Бесстрастные люди с каменными лицами в гоночных очках, прячущих глаза, сидят в этих автомобилях. Нет им дела до чьих-то трагедий и забот. Ледом холодного отчуждения покрыт весь этот мир и эти машины. В прологе спектакля прозрачная полиэтиленовая пленка натянута на машины. Выйдут гонимки, дернут пленку, взревет моторы, начнется движение машин, но так и не удастся героям пробить эту вечную мерзлоту наживы, лжи, пошлости. Холод доберется до крохотной проруби, искрящейся живой водой, и затянется ее ледяная шуга.

В моменты душевного потрясения герои спектакля выскакивают на шоссе к людям. Ночное шоссе ослепляет светом несущихся машин. Каждый человек спрятан в доме своей машины. Никому ни до кого нет дела. Все на колесах и все под угрозой случайности. Зыбкая надежда на людскую помощь растворяется вместе с дымком уносящихся машин. Герои возвращаются в замкнутое пространство сближенного их дома и ищут спасения друг в друге.

Буржуазный ад, уничтожающий человеческое достоинство, нашел точные краски, звуки и образ в спектакле могилевского театра. Осталось сказать еще об очень важном — путь этого спектакля, как и всех предыдущих, к зрителю будет, вероятно, непросто. Разгадывание режиссерских ассоциаций, расшифровка особой образной системы требует труда и подготовки. Не исключено, что кого-то постигнет разочарование, а многое окажется неузнанным, непонятым. Но, вероятно, искусство тем и интересно, что загадывает загадки.

У Мироненко нет возможности отбирать для себя лучших актеров, как это делается в столице. Но все они в его спектаклях играют поразительно хорошо. «Откуда у вас такие первоклассные артисты?» — недоумевают критики. А секрет в том, что в театре жить стало интересно, и артисты платят доверием и честным трудом своему режиссеру.

Т. ОРЛОВА.